

Иосиф ГИН

г. Петрозаводск

«И оставил нам...»

(Перечитывая Чехова)

29 января исполнилось 150 лет со дня рождения Антона Павловича Чехова. Помому, лучше всех сказал о нем К. Паустовский в «Ильинском омуте». Паустовский считал, что Чехов «...был не только гениальным писателем, но и совершенно родным человеком».

Эти слова Паустовский не только сказал, но и словно экспериментально доказал. А было это так.

Для меня очень важны у Чехова весьма злоупотребленные теперь чеховские слова о том, как он выдавливал из себя раба...

Мы чересчур с вами привыкли бояться, всего бояться; многое делаем дилетантски, а боимся профессионально; привыкли жить с постоянной оглядкой, привыкли бояться – говорить правду, говорить то, что думаешь... Я и сегодня боюсь, но совсем другого: что огрублю Чехова, боюсь по-газетному злобнодневно прочитать его.

И эти же самые слова запали в душу Константина Георгиевича. Паустовский и Мария Павловна, сестра Чехова, директор Чеховского музея в Ялте, были давними многолетними друзьями.

Паустовский вспоминал, что они однажды придумали такую игру. Между прочим, участники этой игры были не очень молоды. Паустовскому примерно лет шестьдесят, а Марии Павловне, чего доброго, за восемьдесят... Константин Георгиевич рассказал Марии Павловне, что хочет все имеющиеся фотографии Чехова расположить длинным рядом в хронологической последовательности. Для чего – не сказал.

И вот они составили несколько столов в линию и начали с самых ранних детских снимков и последовательно дошли до последних. Паустовский был поражен, что предположение его – фотографии расскажут, как Чехов выдавливал из себя раба, – блестяще подтвердилось. Вот он – обычный ребенок, сын мелкого купца третьей гильдии. Вот – беспечный студент. Вот лихой и не очень-то задумывающийся фельетонист. А потом что произошло? Что-то изменилось. Когда? После рассказов «Горе» и «Тоска»?.. Когда кончились рассказы типа «А у нас в России проще?..», лицо изменилось. И чем дальше – тем все больше...

Но Константина Георгиевича еще больше поразило то, что Мария Павловна, на глазах которой прошла чуть ли не вся жизнь Чехова, – сама Мария Павловна была поражена и взволнована этими наглядными изменениями от фотографии к фотографии. Как будто прежде она этого не замечала, не знала...

Вот те же самые чеховские слова из письма Суворину: «Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек (Чехов пишет о себе. – **И. Г.**), сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и богу, и людям без всякой надобности, только из сознания

своего ничтожества, – напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая».

Да, Чехов буквально вылепил из себя Человека. Мы это чувствуем, знаем по его удивительной прозе, по его пьесам. А кто сумел описать начальную жизнь Чехова – Антоши Чехонте, как звал его в гимназии учитель древнегреческого языка. Потом это стало ранним псевдонимом писателя. Как ни странно, коротко и очень запоминающе описал раннюю биографию Чехова немецкий писатель Томас Манн, который, понятно, читал Чехова только в переводе: «Чехов родился в Таганроге, захолустном городке на юге России, у Азовского моря; отец его, богомольный мещанин, сын крепостного крестьянина, держал бакалейную лавку и всячески тиранил жену и детей. Он бездарно писал иконы, самоучкой играл на скрипке, питал пристрастие к духовной музыке и основал церковный хор, в который прочил певцами и своих мальчиков. Скорее всего, эти побочные увлечения и явились причиной того, что еще в школьные годы Антона Павловича отец его разорился и вынужден был бежать от кредиторов в Москву. Тем не менее в его ханжески-мещанской ограниченности крылись зачатки художественного дарования, которым дано было проявиться и полностью раскрыться лишь в одном его отпрыске. Хотя из старших братьев Чехова один стал публицистом – незначительным публицистом, а другой – художником, оба утопили свой талант, если он у них был, в водке, и Антон, единственно стойкий из братьев, призванный к жизни и творчеству, тщетно пытался поддерживать эти слабые, болезненные натуры.

На первых порах мальчики должны были помогать отцу в лавке, бегать по его поручениям, а под праздники вставать в три часа утра и отбывать повинность на спевках церковного хора. Ко всему этому – школа. Таганрогская гимназия, бездушная казарма, предназначенная властями для того, чтобы глушить всякую свободную мысль в преподавателях и учениках. Жизнь – принудительная работа, скучная и удручающе пустая. Но у одного из многих, тайно отмеченного судьбой, у Антона обнаруживается своеобразное противоядие, способность все возмещать веселостью и насмешливостью, клоунадой и шутивным лицедейством, питаемым наблюдательностью и воплощающим виденное в карикатурно-наглядных образах».

Я часто перечитываю Чехова, особенно позднего. А из относительно раннего очень люблю повести «Степь» и «Скучная история». Степь увидена как бы глазами небольшого мальчика. Притом родная Че-

хову донецкая степь к северу от Таганрога в сторону притока Дона Донца. Это те же самые степи, что около моего родного Луганска, который стоит на притоке Донца речке Луганке. А до Донца у нас там всего километров восемнадцать. И в жаркую пору каникулярного лета мы с моим другом Игорем Симоненко попеременным бегом и быстрым шагом отправлялись на Донец купаться...

Не перестаю удивляться мудрости Чехова в повести «Скучная история». А ведь ему тогда не было и тридцати лет. Как Чехов описывает внутренний мир старого знаменитого ученого, его трудные мысли перед смертью! Да, настоящее чтение Чехова у меня начинается с перечитывания.

А какой был человек Антон Павлович! Ясно, что он органически не переносил любую пошлость, но при этом не мог позволить себе резкости и тем более грубости.

Люблю перечитывать его пьесы, особенно «Дядю Ваню» и «Трех сестер». Мне кажется, что в тех местах, где герои философствуют, я слышу что-то авторское, чеховское. Вот философствует в «Трех сестрах» Вершинин. И на его слова отзывается Тузенбах: *«Кто знает? А может быть, нашу жизнь назовут высокой и вспомнят о ней с уважением. Теперь нет пыток, нет казней, нашествий, но вместе с тем сколько страданий!»*

«Три сестры» – не просто драма, не просто прекрасная пьеса Чехова, которую бесконечно перечитываешь. Это одно из самых чудесных, самых чеховских творений Антона Павловича. Во всей пьесе словно разлита тихая, грустная и в то же время светлая музыка.

Чехов был прикован болезнью к Ялте, а всю жизнь любил Среднюю Россию. Это хорошо понимал и Левитан, который оставил Чехову картину – один из вариантов его «Сумерек», чтобы она напоминала Антону Павловичу о севере. Об этом же мы читаем в «Даме с собачкой»: *«Уже начинались морозы. Когда идет первый снег, в первый день езды на санях, приятно видеть белую землю, белые крыши, дышится мягко, славно, и в то же время вспоминаются юные годы. У старых лип и берез, белых от инея, добродушное выражение, они ближе к сердцу, чем кипарисы и пальмы, а вблизи них уже не хочется думать о горах и море...»*

И в конце я продолжу те слова Паустовского про Чехова, с которых я начинал: *«Он знал, где лежит дорога к человеческому благородству, достоинству и счастью, и оставил нам все приметы этой дороги».*

